

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

В июле 1998 г. заявителю были предъявлены обвинения в военных преступлениях в связи с происшествием, имевшим место более чем 50 лет назад, в период Второй мировой войны, когда он был членом диверсионного подразделения красных партизан. Обвинения были предъявлены на основании статьи 68-3 Уголовного кодекса 1961 года Латвийской Советской Социалистической Республики, положения о военных преступлениях, введенного латвийским Верховным советом 6 апреля 1993 г., после приобретения Латвией независимости. Коллегия по уголовным делам латвийского Верховного суда признала заявителя виновным в различных военных преступлениях и приговорила его к 20 месяцам лишения свободы с учетом его возраста и дряхлости. Согласно версии, принятой латвийскими судами, 27 мая 1944 г. он возглавлял подразделение красных партизан при карательной экспедиции в деревню Малые Баты (в то время находившуюся под германской оккупацией) в связи с сообщением о том, что ее жители выдали немцам другую группу партизан. Подразделение вступило в деревню, будучи переодетым в немецкую форму, и, обнаружив винтовки и гранаты, выданные немцами, подожгло постройки и убило девять селян, в том числе трех женщин, одна из которых находилась на позднем сроке беременности¹. Ни один из покойных селян не был вооружен, не пытался бежать или оказать сопротивление². Согласно заявителю, потерпевшие от операции являлись коллаборационистами, выдавшими группу партизан немцам за три месяца до этого. Его подразделению было поручено задержать виновных и доставить их в партизанский трибунал, но лично он не командовал операцией и не входил в деревню.

В своей жалобе в Европейский Суд заявитель указывал, что действия, в совершении которых он обвинялся, в момент их совершения не составля-

¹ В составе выданной немцам группы майора Чугунова также находились женщины и дети, которых расстреляли или сожгли заживо; в связи с чем «немецкие военные власти наградили заинтересованных селян дровами, сахаром, спиртом и денежной суммой». Национальные суды с одобрения Европейского Суда дали следующее объяснение происшествию: «не было установлено, что покойные селяне выдали группу майора Чугунова, а только Мейкул Крупник донес на это подразделение германским войскам, отметив, что присутствие этого подразделения в его сарае представляло опасность для его семьи» (*прим. переводчика*).

² Все потерпевшие селяне имели оружие, но не успели им воспользоваться. Как видно из § 24 Постановления Большой Палаты, ложным является также утверждение о том, что селяне не оказывали сопротивления; партизаны, один из которых был ранен, сообщили заявителю, что «селяне «убежали, отстреливаясь, и появились немцы» (*прим. переводчика*).

ли преступления, в соответствии с национальным законодательством или международным правом. Он также утверждал, что в 1944 году, будучи молодым солдатом в боевой обстановке, находившимся за линией фронта, он не мог предвидеть, что его действия будут признаны военными преступлениями, за которые он подвергнется преследованию. Он отмечал, что его осуждение после приобретения Латвией независимости в 1991 году имело политический характер и не объяснялось реальным стремлением исполнить международные обязательства по преследованию военных преступников¹. Постановлением от 24 июля 2008 г. Палата Европейского Суда установила четырьмя голосами «за» и тремя – «против», что по делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 7 Конвенции (см. «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» [Information Note on the Case-law of European Court of Human Rights] № 110²).

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 7 Конвенции. Европейский Суд не вправе устанавливать индивидуальную уголовную ответственность заявителя, поскольку это относится к компетенции прежде всего национальных судов. В его задачу входило установление того, имелась ли при состоянии законодательства на 27 мая 1944 г. достаточная правовая основа для осуждения заявителя, истек ли срок давности для преследования и были ли преступления, за совершение которых заявитель был в конце концов осужден, определены с достаточной доступностью и предсказуемостью. Поскольку обстоятельства дела оспаривались сторонами, Европейский Суд начал свой анализ с наиболее благоприятной для заявителя гипотезы, а именно о том, что селяне не были обычными гражданскими лицами, но «комбатантами» или «гражданскими лицами, участвовавшими в военных действиях».

(а) Правовая основа преступлений в 1944 году. Заявитель был осужден на основании статьи 68-3

Уголовного кодекса 1961 года, положения, введенного Верховным советом 6 апреля 1993 г. Хотя статья 68-3 приводит примеры действий, которые рассматриваются как военные преступления, она отсылает за точным определением к «соответствующим правовым конвенциям». Соответственно, осуждение заявителя было основано на международном, а не национальном праве.

Европейский Суд оценил состояние международного права на 1944 год. Он отметил, что после длительного периода кодификации, восходящего к середине XIX в., устав Международного военного трибунала в Нюрнберге составил неисчерпывающий перечень военных преступлений, за которые устанавливалась индивидуальная ответственность. В современной доктрине достигнуто согласие о том, что международное право, в частности, Гагская конвенция и положение 1907 года, уже определили военные преступления и требовали привлечения лиц к ответственности, поэтому устав не являлся уголовным законодательством, имеющим обратную силу³. На протяжении этого периода кодификации национальные суды по уголовным делам и военные трибуналы являлись основным механизмом принудительного исполнения законов и обычаев войны, тогда как международное преследование являлось исключением из правила⁴. Соответственно, международная ответственность государств, основанная на договорах и конвенциях, не исключала обычной обязанности государств преследовать и наказывать лиц за нарушения законов и обычаев войны. Международное и национальное законодательство служило основой для национальных преследований и ответственности. В частности, если национальное законодательство не содержало конкретных характеристик военного преследования, национальный суд мог руководствоваться международным правом как основой для своей

¹ Большая Палата оставила без внимания еще один довод заявителя (§§ 166 и 174) о том, что предполагаемое преступление было совершено на территории СССР одними гражданами последнего против других и, следовательно, о военных преступлениях, совершаемых представителем оккупирующего государства, не может быть речи. Действия заявителя могли регулироваться только Уголовным кодексом 1926 года, и срок давности по ним истек в 1954 году (*прим. переводчика*).

² Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека № 110 соответствует «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека» № 12/2008.

³ Ни Гагская конвенция 1907 года, ни прилагаемое к ней положение не предусматривали индивидуальной ответственности за военные преступления. Статья 3 Конвенции указывала лишь, что «Воюющая Сторона, которая нарушит постановления сказанного Положения, должна будет возместить убытки, если к тому есть основание». Устав Нюрнбергского трибунала, действительно применявшийся с обратной силой, распространялся исключительно на «главных военных преступников европейских стран «оси»» (*прим. переводчика*).

⁴ Сама Большая Палата признает в § 101, что «12 процессов, состоявшихся в 1921 году, в шести случаях окончились оправданием и в шести – осуждением (примененные наказания являлись символическими). Союзники решили не передавать другие дела в германские суды». Таким образом, возможность привлечения к ответственности за военные преступления до 1944 года, если не считать двух процессов военных преступников в СССР, являлась чисто теоретической (*прим. переводчика*).

мотивировки. Соответственно, Европейский Суд посчитал, что к маю 1944 г. военные преступления были определены как действия, противоречащие законам и обычаям войны, и международное право определило основные принципы, лежащие в основе таких преступлений, и обширный ряд действий, которые их составляют. Государствам, по крайней мере, разрешалось (если этого от них не требовалось) принимать меры для наказания лиц за военные преступления, в том числе на основании индивидуальной ответственности командира.

Европейский Суд продолжил, на основании «двух основных принципов» гуманитарного права – «защиты гражданского населения и объектов» и «обязанности избегать причинения необязательных страданий комбатантам», – рассматривать вопрос о том, имелась ли достаточно ясная и современная правовая основа для конкретных военных преступлений, за которые был осужден заявитель. Эти преступления включали жестокое обращение, ранение и убийство селян, сожжение заживо беременной женщины и нападение на незащищенные местности.

Что касается первого из этих преступлений, с учетом особенно статьи 23(с) Гаагского положения 1907 года, убийство и жестокое обращение с селянами нарушило фундаментальное правило о том, что противник, вышедший из строя, – в данном случае не имевший оружия, – пользуется защитой. Такие лица не обязательно должны были иметь особый правовой статус или не должны были формально капитулировать. В качестве комбатантов селяне также пользовались защитой в качестве военнопленных под контролем заявителя и его подразделения, и последующее жестокое обращение с ними и внесудебная казнь противоречили бы многочисленным правилам и обычаям войны, защищающим военнопленных. Что касается второго преступления, национальные суды разумно руководствовались статьей 23(b) Гаагского положения при обособленном осуждении за предательское ранение и убийство с незаконным созданием у противника впечатления (путем ношения германской военной формы) о том, что он не подвергается угрозе нападения. Также имелась удовлетворительная правовая основа для признания заявителя виновным в третьем преступлении (сожжении заживо будущей матери) с учетом особой защиты, на которую женщины имели право в период войны еще с времен кодекса Либера 1863 года¹.

¹ Постановление Большой Палаты содержит обстоятельный обзор источников права, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. В частности, Инструкция 1863 года для командования армий США при военных действиях, также известная

Наконец, что касается четвертого преступления, статья 25 Гаагского положения запрещает нападения на незащищенные местности, за исключением случаев, когда оно «настоятельно вызывается военной необходимостью». Не имеется оснований полагать, что это исключение применимо в деле заявителя. Соответственно, Европейский Суд признает, что все эти действия составляли военные преступления. В качестве лица, организовавшего, командовавшего и руководившего партизанским подразделением, совершившим нападение, заявитель несет индивидуальную ответственность командира за эти действия.

В заключение, даже если предположить, что покойные селяне могли считаться «гражданскими лицами, принимавшими участие в военных действиях» или «комбатантами», имелась достаточно ясная правовая основа, с учетом состояния международного права в 1944 году, для осуждения заявителя и его наказания за военные преступления как командира подразделения, ответственного за нападение на Малые Баты. Если рассматривать селян как гражданских лиц, они имели право на еще большую защиту.

(b) *Истек ли срок давности по предъявленным обвинениям.* Национальное преследование за военные преступления в 1944 году потребовало бы ссылки на международное право, не только в части определения таких преступлений, но также что касается определения какого-либо срока давности. Соответственно, национальный срок давности был неприменим. Существенный вопрос, таким образом, заключается в том, истек ли в какой-либо момент до преследования заявителя срок давности в отношении таких действий в соответствии с международным правом. Международное право в 1944 году не содержало таких указаний, и впоследствии такой срок давности не был установлен². Отсюда следует, что для преследования заявителя срок давности не истек.

(c) *Предсказуемость.* Международные нормы и обычаи войны были сами по себе достаточны для установления индивидуальной уголовной ответственности в 1944 году, поэтому тот факт, что о них в то время ничего не указывалось в национальном законодательстве, не имеет решающего

в быту как «кодекс Либера», по собственному признанию Большой Палаты применима «только к американским вооруженным силам» (прим. переводчика).

² В своем несовпадающем особом мнении три судьи, не согласившиеся с большинством, не оспаривали, что действия заявителя должны оцениваться с точки зрения международного права, но подвергли критике вывод о том, что «неприменимость сроков давности к преступлениям является правилом, а применение такого срока – исключением», поскольку, по их мнению, «верно как раз обратное» (прим. переводчика).

значения. Они составляли положения подробно-го специального закона, устанавливающие параметры преступного поведения в период войны и были прежде всего адресованы к вооруженным силам и, в частности, к командирам. С учетом его положения командующего офицера¹ от заявителя можно было разумно ожидать особой заботливости при оценке рисков, сопровождающих операцию в Малых Батах. Даже самое поверхностное размышление заявителя указало бы ему, что явно незаконное жестокое обращение и убийство селян рискуют быть восприняты как военные преступления, за которые он в качестве командира может нести индивидуальную и уголовную ответственность. Европейский Суд отклонил довод заявителя о том, что его преследование было политически непредсказуемым, поскольку для государства-правопреемника было законным и предсказуемым возбудить уголовное преследование против лиц, совершивших преступления при прежнем режиме. Суды правопреемника не могут подвергаться критике за применение и толкование правовых норм, действовавших в период, относящийся к обстоятельствам дела, при прежнем режиме, с учетом принципов, регулирующих государство, приверженное верховенству права, и ключевых принципов, на которых построена конвенционная система, особенно когда речь идет о праве на жизнь. Эти принципы были применимы к смене режима такого характера, которая имела место в Латвии после получения ею независимости.

Соответственно, в период совершения действия заявителя составляли преступления, определенные с достаточной доступностью и предсказуемостью законами и обычаями войны.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу требования статьи 7 Конвенции нарушены не были (вынесено 14 голосами «за» и тремя – «против»).